

зию на книгу. Развивая философскую метафору Гераклита, можно сказать, что сущностный состав воды практически не изменился.

В книге Экклезиаста сказано, что сердце мудрых – в доме плача. Читая работу со слегка интригующим названием «Сколько стоит русская идея?», отчетливо вижу все тот же родник – размышления о судьбе богомольной России в контексте проблемы социального идеала. Изменились некоторые ракурсы и форма подачи материала. Желая быть понятым не только научным сообществом, но и более широкой публикой, автор сдвигается от научности к художественности и публицистичности.

Основная, немного трагическая лейтмотивная данная работы прослушивается достаточно отчетливо. Плохо оформленное добро всегда будет проигрывать хорошо поданному и оплаченному злу. Однако эстетические идеалы первичны по отношению к социальным, поэтому в современных геополитических условиях опирающаяся на православие русская национальная идея как «семя инобытия» в определенной мере может быть воплощена в культуре и искусстве.

Вопрос, вынесенный в заглавие, можно понимать в метафорическом и буквальном (денежном) аспектах. Рассматривая некоторые взаимосопряженные практические аспекты проблемы идеального и национального, автор приходит к выводу о необходимости реализации культурных бесприбыльных проектов. Воплощение последних требует привлечения определенных ресурсов и финансовых средств. К сожалению, начинающий доктор философ-

ских наук С.А. Емельянов не предлагает какого-либо системного механизма решения данной проблемы. Пожалуй, в этом и состоит основное «уязвимое звено» представленной работы.

Можно, однако, заметить следующее: во-первых, данный вопрос не является чисто философским и, во-вторых, внятного решения этой проблемы пока не может предложить никто. Во всяком случае, записные патриоты, бунтовщики с почасовой оплатой труда, авторы концепции общественной безопасности «Мертвая вода», сергиевского проекта «Русская доктрина», а также «Проект Россия» охотно признают, что по России катится огромная слеза несбывшихся надежд. Однако при этом всё ограничивается рассуждениями, квинтэссенция которых сводится к выводу, что «надо использовать энергию системы против самой системы».

Можно обратить внимание на недостаточную проработанность проблемы взаимосвязи религии и искусства, терминологические неточности. Впрочем, качество переживания по такой многоаспектной проблеме никогда не совпадает с качеством изложения.

Рекомендую данную не очень большую книгу к прочтению и переизданию. Полагаю также, что с учетом вышесказанного в дальнейшем мог бы получиться интересный телевизионный проект с одноименным названием. Можно повторить слова великого «печальника земли русской» Ф.М. Достоевского о том, что «мир красотой спасется». Да, спасется, если внутренней красоты будет больше, чем внешней и найдется способ выраживания вменяемых инвесторов.

А.В. Корнилова

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ И СТИЛЯ РУССКОЙ КРИТИКИ

Рецензия на книгу С.М. Балуева «Критика изобразительного искусства 1840–1880 гг. в становлении русской художественной школы»*

Монография С.М. Балуева «Критика изобразительного искусства 1840–1880-х гг. в становлении русской художественной школы» еще раз подтверждает мысль о том, что изучение истории искусства немислимо без знания всех обстоятельств и факторов, создающих национальный художественный метод.

Отечественными искусствоведами подробно исследовались вопросы, связанные с

выработкой метода русской школы изобразительного искусства в системе преподавания в Академии художеств (Н.М. Молева и Э.М. Белюгин).

Изучалось и становление жанров в отечественной школе изобразительного искусства, в частности анализировался путь, который прошла русская историческая живопись (А.Г. Верещагина).

* Балуев С.М. Критика изобразительного искусства 1840–1880 гг. в становлении русской художественной школы. – СПб.: Книжный Дом, 2013. – 176 с.

Однако история художественной критики – сравнительно молодая искусствоведческая субдисциплина. Историками искусства, освещавшими темы, связанные с критикой (Р.С. Кауфман, Н.И. Беспалова, Н.А. Нарышкина и др.), лишь во второй половине XX в. были подготовлены труды обобщающего характера. Многие вопросы, стоящие перед специалистами, изучающими русскую художественную критику, еще не затрагивались в научной литературе. К одному из них, бесспорно, актуальному, обратился автор рецензируемой монографии С.М. Балувев.

Он обстоятельно рассматривает отраженный критикой процесс формирования и развития национального художественного метода с его неизменной в XIX в. установкой на общественное назначение искусства. Важно, что при этом Балувев не делит участников художественного процесса на сторонников и противников так называемых прогрессивных идей. В монографии впервые достаточно полно характеризуется художественная критика либеральных западников (П.В. Анненкова, В.П. Боткина, А.В. Дружинина).

Вдумчиво исследуются предложенные ими критические интерпретации произведений живописи середины XIX в. Последовательно, этап за этапом Балувев изучает оценку западнической критикой проблемы сложения русской школы изобразительного искусства, показывает, например, насколько глубоко понимал Павел Анненков проблему народного типа в русской живописи. Это позволяет рельефнее оттенить вклад Владимира Стасова, позднее ставившего вопросы формирования русской школы на примере творчества Репина.

Особо надо сказать о том, что в монографии эффективно используются современные методы художественно-эстетического анализа. Так, при раскрытии специфических особенностей взгляда Василия Боткина и Всеволода Гаршина на произведения Ф.А.

Бруни и В.Д. Поленова автором книги даются вызывающие специальный интерес интерпретации картин «Медный змий» и «Христос и грешница (Кто без греха?)».

Трудности, которые возникали в работе над монографией, были, очевидно, связаны с тем, что в соответствии с замыслом Балувева, в поле его зрения находятся, с одной стороны, сложные вопросы становления и развития русской художественной школы, а с другой – проблемы стиля отечественной критики XIX в., литературной практики журналистов и писателей, выступавших в периодике с критическими статьями и обзорами. Конечно же, обращение к стилистическим разборам текстов во многом усложнило подход к предмету исследования. Но в результате открылась возможность уточнить понимание многих критических оценок.

Так, содержателен и, без сомнения, вызовет интерес читателя параграф второй главы монографии, посвященный славянофильской критике. Вместе с тем, невольно возникает мысль, что этот сюжет можно было представить шире, поскольку творческая деятельность таких критиков, как Эммануил Дмитриев-Мамонов, Алексей Хомяков практически не привлекала внимания искусствоведов. Между тем, как показано Балувевым, они сыграли важную роль в обсуждении острых вопросов формирования национальной художественной школы.

В целом можно заключить, что книга «Критика изобразительного искусства 1840–1880-х гг. в становлении русской художественной школы», представляет значительный интерес как научное сочинение. Комплексное изучение Балувевым проблематики, литературного мастерства авторов произведений, посвященных вопросам развития изобразительного искусства, языка и стиля русской критики середины – второй половины XIX вв. позволяет углубить понимание ее как особого феномена художественной культуры эпохи.